

ПОВЕСТЬ

АРИСТАРХ РОМАШИН

ПЕЛАГЕЯ

МОЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

16+

Аристарх Ромашин
Целагея
Серия «Магическая
реальность», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42192293

SelfPub; 2021

Аннотация

Марсель Волконский, преуспевающий современный писатель, решает приобрести хижину вблизи леса и писать там свои романы. Но горе-дело, у него вдруг пропадает вдохновение. И тогда он отправляется на прогулку до леса: а вдруг природа его вдохновит? Оказавшись в лесу, он обнаруживает поляну и необычное дерево, под которым и решает помедитировать и вернуть себе утраченное. В тот же момент, как он приступает к медитации, из кустов к нему выходит красивая, голубоглазая обнажённая девушка и заговаривает с писателем на древнегреческом языке... А что если в поисках вдохновения он встретил долгожданную любовь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аристарх Ромашин

Целагея

При написании данной повести автор позволил себе некоторую вольность в описании погодных условий, инфраструктуры и достопримечательностей Крыма.

Глава 1

В ту ночь лил такой косой дождь, что казалось, будто небеса решили скосить всё человечество.

Подгоняемый бушующим ветром, я в промокшем жёлтом дождевике пытался удержать в руках большой чёрный зонт, который норовил избавиться от власти моих цепких рук. Кое-как усмирив непослушный зонт, я продолжал двигаться по чавкающей траве в сторону леса.

Хижину, в которой я жил, и лес, куда я направлялся, разделяло широкое поле, заросшее травой. Вдали высокие макушки деревьев, плотно прилегающие друг к другу, двигались из стороны в сторону, словно предупреждая меня: «Не ходи в лес. Там опасно». Но я знал, что они ошибаются. Там меня ждала не опасность, а чудо, которое навсегда изменило мою жизнь...

Но прежде чем продолжить свой рассказ, позвольте мне поведать вам некоторые детали о себе.

Меня зовут Марсель Волконский. Я писатель. Когда я родился, отец, ценивший прозу Марселя Швоба, решил дать мне имя в честь своего любимого автора. И если верить тому, что имя определяет судьбу человека, то получается, что мою судьбу, а точнее, выбор профессии, определил мой ныне покойный отец.

Пять лет назад, в возрасте тридцати пяти, я написал и отправил свой первый любовный роман нескольким издательствам. Спустя три месяца получил письмо от одного из них, в котором говорилось, что моя книга понравилась редактору и они хотели бы со мной сотрудничать.

Новость меня порядком удивила и в тоже время обрадовала. Удивила тем, что я – человек, который по-настоящему ещё не любил, смог убедительно рассказать о подлинной любви в своей первой книге. А не влюблялся я не из-за того, что не верил в любовь, а от того, что не чувствовал при общении с женщинами запаха любви. Да, меня тянуло к женщинам, но дальше физического желания не шло. Меня не покидало ощущение, что та или иная женщина не предназначена мне судьбой, а ежели так, то зачем мне занимать место той, которую я когда-нибудь могу встретить?

Время шло, суженную я свою так и не встретил, вот тогда я и решил выдумать историю такой любви, какую хотел бы, чтобы в жизни со мной произошла.

Но я даже представить не мог, насколько удивительна моя собственная невыдуманная история любви...

Так вот, прежде чем заключить договор, издательство спросило, смогу ли я писать минимум по две книги в год, на что я ответил, что буду стараться, а за последующие пять лет подкрепил свой ответ делом.

Свою творческую работу я разделил на два периода. Осенью брался за одну книгу, ближе к весне за другую. Так как

мне претила городская суэта, я, когда приходило время писать книгу, переезжал на дачу. Но два года назад проснулся среди ночи с навязчивой мыслью, что мне нужно снять хижину у леса в Крыму. Я не мог объяснить себе, почему именно это место, а не другое. Также не знал, какую именно хижину выбрать. Но решил довериться шестому чувству. Двухнедельные поиски помогли найти подходящий дом, который пришёлся мне по душе. И последние три романа я как раз написал, будучи в Крыму.

Пришло время взяться за очередную книгу. Хозяева той хижины оставляли её свободной для меня на сентябрь и май. Так как уже была середина мая, они, обеспокоенные тем, что меня всё ещё нет, позвонили мне. Я успокоил их и сказал, что по некоторым причинам не смогу приехать, но готов оплатить май и, возможно, июнь тоже. Они ответили, что платить ничего не надо. Подержат хижину для меня до конца мая, а потом сдадут другим. Я согласился.

Согласился, потому что десятью днями ранее матери стало плохо. Мне пришлось вызывать скорую. Дежурный врач сказал, что у неё упало давление, выровнял его уколом и прописал таблетки. Мама с тех пор чувствовала себя гораздо лучше, но ей было уже за восемьдесят, поэтому я решил не рисковать и остаться писать книгу дома в Москве.

Однако сложно творить, когда душа писателя неспокойна и нет возможности уединиться.

Выручил меня друг детства Михаил. Высокий, сухощавый

блондин с серыми глазами. Мы с ним одноклассники. Когда ему исполнилось восемь лет, рак забрал его маму. Отец Михаила стал пить, чтобы утопить на дне бутылки боль от потери жены, и в итоге спился. Он перестал работать и не заботился о воспитании сына. Продавал всё своё имущество, чтобы были деньги на очередную возможность утопить боль. Мой тогда ещё живой отец, сочувствуя мальчишке, взял Михаила в наш дом.

Когда Михаилу исполнилось девятнадцать лет, его отец умер, а квартира по завещанию перешла к единственному сыну. К тому времени Михаил встречался с девушкой, от которой был без ума. Мой отец настаивал на свадьбе. Михаил женился и переехал в свою отремонтированную и заново обставленную квартиру. Так как Михаил был мне практически как брат, то они с женой часто заходили к нам в гости. Или же мы ходили к ним. Тем более жили мы в одном доме, но в разных подъездах. Когда умер мой отец, Михаил был в командировке, но он бросил все дела и первым же рейсом вернулся в Москву. Потом он долго уговаривал и меня жениться, чтобы дома была помощница маме, на что я ему отвечал, что пока не встретил свою женщину.

В тот день, когда маме стало плохо, и все последующие дни Михаил был рядом. И в один из таких дней он услышал мой разговор с редактором издательства.

– Марсель, дружище, может, ты все-таки поедешь? – спросил он. – Тем более, если сроки поджимают.

– Нет, Миха, думаешь, я смогу там спокойно писать?

– Так маме ведь лучше. Я постоянно буду на связи. Перееду к вам с женой и детьми. Ты же знаешь, как мои дети любят твою маму.

Я отказывался, но наш разговор услышала мама. Она была единомышленна с Михаилом и тоже настаивала на том, чтобы я поехал.

– Если у творческого человека нет возможности творить, – говорила она, нежно поглаживая меня тёплой сморщенной рукой, – то его душа не находит покоя. Езжай.

Мне пришлось согласиться.

Когда я вышел из поезда на перрон, там уже ждали владельцы хижины. Довольно милая пара примерно моего возраста, которые радужно встретили меня и вызвались довезти на своей машине. Помогли мне разгрузить и занести в дом два чемодана: один с вещами, второй с едой. Вручили ключи, пожелали плодотворного отдыха и уехали.

С виду заброшенная хижина внутри была обустроена и обставлена достаточно современно. Входная дверь с порога вела в большую гостиную, где с правой стороны находился электрический камин из белого мрамора. С левой стороны – огромная удобная кровать. Дубовый письменный стол с маленьким принтером. Небольших размеров шкаф-гардероб с двумя стеклянными дверцами, сквозь которые можно было увидеть пустые вешалки для одежды и три полки. Прямо напротив входной двери в дальнем углу комнаты были ещё две

двери: одна вела на кухню, где стоял небольших размеров холодильник, современная газовая плита, микроволновая печь и пластмассовый круглый стол со стульями; вторая – в уборную и ванную с подачей холодной и горячей воды.

А самым приятным среди всего этого было кресло-качалка, облюбовавшее место в гостиной перед единственным окном, за которым под звёздным небом был виден лес во всей своей красе.

Я разобрал чемоданы. Убрал одежду в стеклянный шкаф. Потом заполнил холодильник. Еды на первую неделю вполне хватит. От хижины с двух сторон шло широкое поле, одно вело к лесу, а второе к автостраде, перейдя которую, можно дойти до маленькой деревни, где есть продуктовый магазин. Правда, идти до деревни почти сорок минут, но это не так страшно. Пешая прогулка полезна для писателей.

Закончив с чемоданами, я прошёл на кухню, приготовил себе ужин, поел и направился в ванную.

Пока чистил зубы, я думал о том, что, несмотря на различие между мной и Михаилом (он – высокий, светловолосый, худощавый мужчина, я – высокий, широкоплечий, темноволосый, с густыми черными бровями, глубоко посаженными карими глазами; он не любит носить бороду, я же все время хожу с бородой), было одно, что нас объединяло – это любовь моих родителей, которой хватило не только на меня, но и на моего друга.

Сполоснув рот, я всмотрелся в своё отражение в зеркале и

заметил, что сквозь аккуратную чёрную бороду пробиваются несколько седых волос. Эх, жаль, что нельзя обмануть старость. Когда наступает её время, она всегда приходит и безжалостно окрашивает волосы человека в жасминовую проседь.

Из ванной я перешёл в гостиную, которая по совместительству была ещё и спальней, достал ноутбук и, набрав пароль, подключился к беспроводному интернету. Так как дорога меня прилично утомила, то начинать книгу, пребывая в изнурённом состоянии, я не мог. Вместо этого позвонил Михаилу. Потом поговорил с мамой. Попрощался, пожелав им обоим хороших снов, и лёг спать в надежде, что на следующий день поймаю вдохновение и приступлю к любимому занятию.

Но у моей музы были свои планы.

Не только на следующий день, но и несколькими днями после мне не удавалось настроиться на творчество. Я тупо сидел перед экраном ноутбука, не зная, с чего начать. Идея у меня, конечно, была, но то самое главное первое предложение не шло в голову.

От моей матери – большого лингвиста – мне досталось в наследство знание семи языков. И в период творческого застоя, чтобы отвлечь себя, я просматривал передачи или фильмы на иностранных языках. Или же листал древнегреческий словарь. Но и это не помогло мне приступить к работе.

Отчаявшись, я сел в кресло-качалку и посмотрел в окно. Вид из окна походил на картину: чистая синева неба, широкое зелёное поле, плотный ряд высоких деревьев вдали. И только их едва качающиеся макушки выдавали действительность.

Я подумал, что за всё то время, что тут находился, я ещё ни разу не выходил. Вскочив, я подбежал к письменному столу, засунул в карман белых шорт блокнот и мобильный телефон. Положил в карман синей футболки ручку, взял ключи и вышел навстречу природе.

Объятия погоды были солнечными, с тёплым лёгким ветерком. Трава пахла летним дождём. Чем ближе я подходил к лесу, тем больше чувствовал запах хвои и запах чего-то неожиданного и прекрасного. Как только я потонул в тени леса, к хвойному букету добавились ароматы цветов, шишек, зелени и ягод. Глубоко вдохнув свежеть леса, я почувствовал, что ожидание чего-то прекрасного взросло втрое. Лесные певички, словно о чём-то догадываясь, радостно чирикали каждая свою песню.

Я бы мог присесть под любым деревом прямо тут, чтобы не терять из виду хижину, но решил пройти немного дальше. После нескольких десятков шагов я вышел на небольшую поляну, заросшую травой. Справа от меня за высокими кустами журчала вода. Слева от кустов, будто выросшая из-под земли, находилась каменная глыба, скала посреди поля, покрытая зелёным мхом. В нескольких шагах от громадины

стояло необычное дерево. Если все деревья в лесу росли, как и полагается, прямо, то ствол этого дерева вырос слегка дугообразно, словно большой длинный лук только без тетивы.

Именно под этим деревом я и плюхнулся на траву. Достал блокнот и ручку, положил их рядом. Закрыв глаза и попытался достичь тишины внутри, чтобы услышать первые строки моей новой книги, но вместо этого мой слух уловил всплеск воды, и я открыл глаза. Видимо, кто-то купался в речке. Моя догадка подтвердилась, когда, раздвигая кусты, на поляну вышла обнажённая девушка.

Моё сердце забило силой не одного, а тысячи сердец. Кожа у незнакомки была настолько белоснежной, словно это была кожа младенца. Глаза чистые и синие, будто небеса поделились с ней своей хрустальной синевой. В глубине этой синевы я успел разглядеть искру радости, которая вспыхнула на несколько секунд и тут же потухла. Тонкие черты лица выдавали в ней благородную особу. Именно такую внешность я бы присвоил героине, которая в моей книге была бы, например, принцессой. Её янтарного цвета волосы были собраны в витую косу настолько длинную, что она чуть ли не доставала до земли.

– Может, вы отвернётесь? – ласково пропел голос на древнегреческом.

– А-м-м, да, простите, – ответил я на русском, вскочил и отвернулся.

В голове молнией вспыхивали и гасли блески мыслей:

«Кто эта девушка?», «Одна ли она тут?», «Почему заговорила со мной на древнегреческом?», «А вдруг она не знает русского языка?», «Нужно ответить ей на её языке», «Вспоминай слова, Марсель!».

– Простите, – оправдывался я на древнегреческом, – у меня не было намерения следить за вами. Я пришёл сюда... ммм... отдохнуть.

– Хорошо, – услаждал мой слух её мелодичный голос, – я оделась. Повернитесь.

Я, как послушный раб, выполнил её просьбу. Незнакомка облачилась в золотистый сарафан с цветочными узорами на ткани, который скрыл с моих глаз её довольно соблазнительные формы.

– Вам тоже нравится это необычное дерево? – солнечной улыбкой одарила она меня.

– Я только сегодня увидел его. Но теперь оно мне всегда будет нравиться.

Девушка лёгкой походкой, словно не шла, а плыла, приблизилась к дереву и стала гладить шершавую кору. На её указательном пальце блестело золотое кольцо с красным камнем.

– Посмотрите, – сказала она, показывая на другие деревья, – это дерево отличается от остальных тем, что оно пошло против природы. Ведь всего-то нужно слегка отойти от изначального образа, чтобы быть непохожим на других и этим привлекать.

– Возможно, но ведь не у каждого хватит смелости пойти на то самое «слегка». Легче быть как все, сливаясь в одну серую жижу.

– Зато тому, кто на это решится, открываются небывалые возможности, – снова одарила меня солнцем.

– Кто вы? Откуда? – не удержался я.

– Я Пелагея.

– Очень приятно! Я Марсель.

Красный камень в золотом обрамлении на руке девушки засверкал. Пелагея отошла от дерева и подошла к скале, дотронувшись до зелёной поверхности. Каменная глыба вздрогнула, у основания скалы образовалась трещина, которая устремилась вверх и на уровне человеческого роста выписала на камне некую арку. Потом часть зелёной поверхности с грохотом ушла вглубь и, поднимая облако пыли, сдвинулась в сторону, образуя проём.

Красавица вошла и вопросительно посмотрела на меня.

– Вы идёте?

Я, как замороженный, пошёл к ней, но тут в кармане жалобно простонал мобильный телефон, уведомляя меня о том, что садится батарейка. Я остановился, достал телефон, потом посмотрел на Пелагею.

– Можно я присоединюсь немного позже? Могу остаться без связи. Просто... у меня мама... буду переживать за неё.

Пелагея, как мне показалось, опечалилась и сказала:

– Буду ждать вас завтра ближе к ночи.

Скала снова вздрогнула, и вход начал закрываться.

– Погодите! – крикнул я.

Но проход полностью замуровался.

Я подошёл к скале, дотронулся до зелёной поверхности, но следов трещин не было. Ничего из того, что указывало бы на то, что тут несколько секунд назад был проход. Я вернулся к дугообразному дереву, присел на корточки и стал разглядывать место, на котором сидел. Может, я раздавил какие-нибудь грибы, поры которого вызывают галлюцинации? Но ничего такого не нашёл.

Так и пребывая в сомнениях, я направился в сторону хижины, по пути вспоминая образ Пелагеи. Если она не была видением, тогда возникает множество вопросов. Откуда она? Почему говорит на древнем языке? Для чего звала меня к себе? Почему будет ждать меня к завтрашней ночи, а не к сегодняшней? Почему не испугалась меня?

А ещё было необъяснимое ощущение, что она меня ждала.

Да и сам я, побыв с Пелагеей всего несколько минут, чувствовал внутри непонятную для меня уверенность в том, что знаю её давно. И несмотря на то, что мы с ней встретились впервые только сегодня, всё моё естество кричало о том, что судьба наконец-то свела меня с человеком, которого я так долго ждал.

Мои мысли прервал телефон, истерично завибрировавший в кармане. Звонил Михаил.

– Да, Миха, привет! – ответил я на звонок.

– Марсель, дружище, ты где? До тебя сложно было дозвониться.

– Был в лесу, а что случилось?

Михаил печально вздохнул.

– Вчера маме стала плохо, она...

– Алло! Что с мамой? – забеспокоился я, но трубка молчала.

Я оторвал телефон от уха и взглянул на дисплей. Зарядка села окончательно. Чувствуя, как тревога, словно раковая опухоль, стремительно разрасталась внутри, я побежал к хижине.

Глава 2

Как же мучительно ждать! Особенно, когда думаешь, что с близким человеком что-то могло случиться, но у тебя нет возможности узнать, что именно.

Вбежав в комнату, я первым делом поставил телефон на зарядку. Дисплей засветился, появился значок зарядки, но аппарат не включался. Я, подстёгиваемый тревогой, измерял комнату шагами от кровати к камину и обратно. Поглядывал на настенные часы, которые показывали, что я вот уже как пять минут дома. Всего пять минут, а кажется, что целую вечность жду. Не находя себе места, я периодически всматривался в дисплей телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.